

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32

Научная статья / Research paper

Л.Г. Фишман*

«ПУСТОЙ ЗНАК»: КОНЦЕПТ «ПОПУЛИЗМА» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ МЕЙНСТРИМЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук»
620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16*

Цель статьи – прояснение природы феномена современного популизма, а также обозначение перспективных путей его научного изучения. Для этого представляется необходимым проанализировать данный феномен с точки зрения логики развития господствующего политологического мейнстрима. Под последним понимается совокупность парадигм, в рамках которых рассматриваются ключевые социальные, экономические, политические и культурные феномены в современных обществах. Автор выдвигает гипотезу о том, что крайнее многообразие трактовок природы и сущности популизма, а также невозможность дать удовлетворяющее всех определение этого парадоксального явления современности обуславливаются именно особенностями господствующего политологического мейнстрима. Показано, что он складывается на пересечении дискурсов транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и «конца истории» и являет собой иерархию глобального знания, выстроенную на трех своеобразных «китах»: господстве Запада, капитализме и либерализме. Автор подчеркивает, что в контексте данных дискурсов западный популизм рассматривается как относительно прогрессивное явление, как индикатор и актор процессов, итогом которых являются капитализм и демократия. Популизм в этом случае трактуется как переходное звено к «правильному» Модерну. Однако те же самые по своей природе политические движения, практики, риторика, относящиеся уже к западному популизму, обычно характеризуются как отклонения от нормы, от Модерна в целом и в первую очередь от идеала либеральной демократии. При этом в статье обосновывается тезис, что по мере того как западные либеральные

* *Фишман Леонид Гершевич* — доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (e-mail: lfishman@yandex.ru).

демократии трансформируются в «согласительные политические режимы» («олигархии») и становятся всё более похожими на «дефектные демократии», они превращаются в такое же отклонение от нормативного идеала, как и всё, что называется популизмом. Тем самым понятие «популизм» в современных условиях начинает обозначать не просто некое отклонение от идеала, но и рождение новой реальности, до конца понять и осмыслить которую политологический мейнстрим оказывается не в состоянии. Понятие «популизм» превращается в «пустой знак» и начинает играть роль собирательного символа. Им представители мейнстрима склонны объединять все неудобные и беспокоящие социально-политические феномены, которые они не могут или не хотят объяснить.

Ключевые слова: популизм, обществоведческий мейнстрим, Модерн, либеральная демократия, дефектная демократия, олигархия, согласительные политические режимы, неолиберализм.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31025 «Альтернативы политологическому мейнстриму в условиях кризиса глобального политического порядка».

Для цитирования: Фишман Л.Г. «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 13–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32.

Leonid G. Fishman

‘EMPTY SIGNIFIER’: THE CONCEPT OF ‘POPULISM’ IN THE CONTEMPORARY MAINSTREAM POLITICAL SCIENCE

*Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16 S. Kovalevskaya st., Yekaterinburg, Russia, 620108*

The paper aims to clarify the origins of contemporary populism, as well as to outline the prospects for further research on this matter. The author examines this phenomenon within the framework of the dominant mainstream in political sciences. The latter imply the totality of approaches to conceptualization of the

key modern social, economic, political and cultural issues. The author advances a hypothesis that both the extreme diversity of the views regarding the nature of populism and the impossibility to develop an all-encompassing definition of this paradoxical phenomenon directly stem from the characteristic features of this dominant discourse. The paper shows that this discourse emerged from the overlapping narratives of transition, modernization, free market, unlimited economic growth and 'the end of history' and establishes an hierarchy of global knowledge based on three principles: Western dominance, capitalism and liberalism. The author emphasizes that within this theoretical framework non-Western populism is portrayed as a relatively progressive phenomenon, as a means and an indicator of progress towards capitalism and democracy. In this case populism is interpreted as an element of transition to a 'proper' Modernity. However, identical political movements, practices and rhetoric of the Western populists are usually portrayed as a deviation from the norm, from Modernity in general and the ideals of liberal democracy in particular. Meanwhile, the paper argues that as Western liberal democracies transform into 'conciliatory democracies' ('oligarchies') and increasingly resemble 'defective democracies', they themselves start to deviate from the normative ideal, just as any regime they label 'populist'. Therefore, the existing concepts of populism signify not only a certain deviation from the ideal but also the birth of a new reality which cannot be conceptualized within the framework of the contemporary mainstream political science. The concept of populism appears as an 'empty signifier' and as a collective term for all inconvenient and troubling social-political phenomena that mainstream political scientists are unable or unwilling to explain.

Keywords: populism, mainstream political science, Modernity, liberal democracy, defective democracy, oligarchy, conciliatory democracy, neoliberalism.

About the author: *Leonid G. Fishman* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lfishman@yandex.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-31025.

For citation: Fishman L.G. 2021. 'Empty signifier': The concept of 'populism' in the contemporary mainstream political science. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 13–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32. (In Russ.)

Цель этого небольшого исследования – с одной стороны, проявление некоторых содержательных аспектов феномена современного популизма, а с другой — обозначение перспективных путей его научного изучения. Для этого нам представляется необходимым провести сопоставление той роли, которую термин «популизм» играл в политологическом мейнстриме на пике своего влияния (в качестве объяснительной и легитимирующей силы в рамках присущих ему подходов), и той, какую он играет сейчас, когда вся эта парадигма сама оказалась поставлена под сомнение. Мы попытаемся показать, что именно изменением роли популизма в политологическом мейнстриме обусловлены как многообразие его трактовок, так и невозможность дать удовлетворяющее всех определение этого парадоксального явления современности.

Итак, при том что феномен популизма обсуждается весьма активно, политическая наука недалеко ушла от обыденного представления о нем. В силу этого к популизму относят едва ли не всё что угодно: от политики Владимира Путина, Алексея Навального, Реджепа Эрдогана и Дональда Трампа¹ до деятельности некоторых политических сил, приходивших к власти в Италии («Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони, «Пять звезд» Бeppe Грillo), Венесуэле («Единая социалистическая партия Венесуэлы» Уго Чавеса), Польше («Право и справедливость» Леха Качиньского), Венгрии («Фидес» Виктора Орбана), Бразилии («Движение к социализму» Эво Моралеса) или претендующих на победу в ряде стран Европы. Между тем очевидно, что указанные партии, лидеры и связанные с ними политические режимы достаточно сильно отличаются друг от друга, тогда как устанавливаемое между ними популистское родство сводится едва ли не только к общим риторическим оборотам вождей. Эта проблема постоянно затрагивается зарубежными и отечественными авторами: общепринятыми стали сетования на то, что до сих пор не удается дать четкое, охватывающее все прецеденты определение популизма [см., например: Вайнштейн, 2013; Фишман, 2017]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: не является ли сегодня само понятие «популизм» чем-то вроде «пустого знака», дискурсивной заплатки, прикрывающей ряд еще не

¹ Что весьма удивительно, поскольку едва ли не общепризнано, что характерной чертой популизма является противопоставление «народа» и «элиты» [Мюллер, 2018].

вполне осмысленных общественными науками феноменов? И если это верно, то каким образом это связано с современным состоянием наук об обществе?

Показательно, что когда популизм появился на политической сцене в конце XIX века в США, его содержание было гораздо яснее и конкретнее нынешнего. В Америке это слово фигурировало в названии фермерской партии, созданной в 1891 г. и провозгласившей борьбу за передачу государству железных дорог и телеграфа, введение подоходного налога и ограничение земельной собственности. Это было просто одно из движений низов, которое со временем интегрировалось в американскую двухпартийную систему [Куропятник, 1971]. Еще в 1960-е годы популистскими считались ряд латиноамериканских движений, партий, лидеров, нацеленных на удовлетворение потребностей ранее не вовлеченных в политику социальных низов. В принципе, популизм представлял как момент движения от домодерна к Модерну в экономике и политике. Модерном в политике была, конечно же, либеральная демократия, а в экономике — капитализм и индустриализм.

Сегодня же популизмом называется, как мы заметили выше, почти всё что угодно, хотя так не было ни в те времена, когда он возник, ни даже в несколько более поздний период. Плоской антитезой либеральной демократии популизм стал не сразу. Таким его сделало закоснение парадигм политологического мейнстрима, которое, раз отведя для него определенную нишу, в дальнейшем способствовало помещению в нее же всё новых похожих феноменов независимо от того, насколько полно они в нее вписывались. Что это за парадигмы?

Функции и роль популизма с точки зрения политологического мейнстрима

В этом вопросе мы исходим из представления, согласно которому ключевой целью общественных наук является предложение вариантов решения насущных социальных проблем на основе осмысления социально-политических феноменов и процессов. Решая подобные задачи, общественные науки одновременно выполняют функции легитимации политического порядка. Доминирующую парадигму, в рамках которой осуществляются такое осмысление и легитимация, мы и называем далее обществоведческим, или политологическим мейнстримом. Политология, социология, экономика и в целом науки

об обществе имеют общие метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых протекают совместные базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном. Мейнстрим в качестве ценностного ядра образуется на пересечении всех проблемных полей общественных наук в конкретно-историческое время. В условиях доминирования дискурсов транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и «конца истории» сложился современный обществоведческий мейнстрим — иерархия глобального знания, выстроенная на трех своеобразных «китах»: господстве Запада, капитализме и либерализме.

В первую очередь речь идет об, условно говоря, парадигме «конца истории», согласно которой либеральная демократия и весь комплекс ее экономических и социоструктурных предпосылок являются оптимумом социального и политического развития [Мартьянов, 2020]. В этой связи в рамках данного комплекса парадигм популизм рассматривается прежде всего в его отношении к либеральной демократии. «Спустя сто шестьдесят лет после Манифеста Маркса призрак, преследующий Европу, получил новое лицо и новое имя. Это больше не призрак коммунизма; это призрак популизма. Последнее не угрожает буржуазии и *ancien régime*; это скорее угроза конституционной демократии» [Dominijanni, Casarino, 2014: 168]. При этом под демократией понимаются современные либеральные демократические режимы (конституционные демократии). Последние сравнительно с политическими режимами прошлого или, например, коммунистическими, фундаменталистскими и прочими подобными режимами рассматриваются как однозначно более высокая форма правления, в то время как популизм обычно осмысливается как свидетельство их деградации. Популизм также нередко описывается как явление в значительной мере архаичное, домодерное и антимодерное, особенно если речь идет о таких странах, как Польша, в которой популизм, объединяясь с католицизмом, защищает патриархальную семью и жесткий моральный порядок и «противопоставляет себя людям, которые хотят радикально модернизировать общество» [Buzalka, 2008: 761].

Разумеется, возможны нюансы, которые, тем не менее, не выходят за рамки этого подхода. Например, нередко считают, что популистская политика является единственно доступным для широких масс

способом вовлечения в демократическую политику в определенного рода режимах. Признается, что, например, в Латинской Америке популизм был средством, с помощью которого городские массы — средний и рабочий классы — были вовлечены в политическую систему, т.е. популизм выполнил ту же работу, которую в Европе сделали социал-демократические партии и сильные профсоюзы². Как отмечают исследователи, в Эквадоре, Венесуэле, Боливии популистские режимы способствуют расширению политического участия граждан сверх обычного участия в выборах. Они создали механизмы прямой демократии, такие как референдумы и плебисциты. Популистские администрации использовали выборы для вытеснения соперничающих политических элит и для постоянного сближения харизматичных президентов со своими избирателями. Популистские лидеры вынесли на суд общественности темы, которые ранее либо игнорировались, либо рассматривались как технические проблемы. «Например, они развенчали утверждения о технической нейтральности неолиберальных экспертов. Они политизировали экономику как политическую экономию, которая служит интересам определенного класса. Они также политизировали свои общества, обращаясь к тем, кто апатичен и разочарован политикой» [Torre, 2013: 43–44].

Прогрессивная роль за популизмом признается тогда, когда он способствует вовлечению масс в политику, если они ранее не имели легальной возможности повлиять на свое положение. Допускается, что, выступая против авторитарных режимов, популисты могут даже построить самую настоящую демократию, хотя это и не гарантировано. С такой точки зрения популизм описывается как политика, которая «в той или иной форме является необходимым условием всех движений против истеблишмента, прошлых и настоящих, прогрессивных или консервативных» [Comaroff, 2011: 103] и, в частности, осуществляет «работу по проектированию демократии в действии» [Comaroff, 2011: 101]. В таких случаях к популизму относятся снисходительно, рассматривая его как нормальное явление политической борьбы, которое не может быть приравнено к обычной демагогии, но «может быть даже полезным для политического и общественного развития, заставляя политических конкурентов

² The return of populism // The Economist. 12.04.2006. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2006/04/12/the-return-of-populism> (accessed: 22.09.2020).

реагировать на те или иные затрагиваемые им проблемы» [Декер, 2004: 57]. Правда, это сопровождается характерными оговорками, отсылающими к относительной отсталости социально-политического и цивилизационного контекста, в котором (и только в котором) популизм «может быть даже полезным»: «Латиноамериканский популизм был, с одной стороны, ответом на специфическую слабость средних слоев, а с другой — следствием неразвитой политической культуры. В условиях неразвитой демократии “мобилизация” масс могла осуществиться лишь “сверху”» [Декер, 2004: 61].

Если же демократия «развитая», то в рамках указанной парадигмы популизм указывает на проблемы, которым по каким-то причинам не уделялось достаточного внимания. Это еще одна его причинная функция.

Иными словами, популизм признается прогрессивным преимущественно там, где он является одной из ступенек восхождения к вершине политического развития — либеральной демократии, участвует в ее конструировании. Там же, где такая демократия уже существует (или же так считается), рост популизма становится свидетельством ее болезни (шире — болезни общества) и попыткой лечения негодными средствами. Ибо, как выразился Зигмунд Бауман, «популизм предлагает нереальные методы решения реальных проблем. Опасность популизма — в пренебрежении правилами демократической игры, сведении политики к борьбе добра со злом» [Бауман, 2008: 211]. Популизм «может быть протодемократическим и дореволюционным движением, когда демократия еще не сформировалась и является лишь целью», но в условиях уже развитой либеральной демократии чреват опасностями «демократического империализма», навязыванием низких культурных стандартов, «равнодушен к требованиям конституционализма»³. Точно так же на фоне современных идеологий и утопий популизм интерпретируется не более как «разновидность фрагментарной идеологии, которая, будучи слабой, ограниченной и ущербной в своем концептуальном ядре, открыта к “браку по расчету” с более цельными идеологиями» и сравнивается с вирусом, «который настолько примитивен, что не обладает собственной клеточной структурой, однако вследствие

³ Кейтеб Дж. Против популизма: шесть тезисов о популизме и его опасностях // Гепфер. 10.07.2013. Доступ: <http://gefper.ru/archive/9370> (дата обращения: 22.09.2020).

своей примитивности способен прижиться в чужой клеточной среде» [Мусихин, 2009: 45, 51].

В целом же господствует представление о популизме примерно такого рода: «Политики говорят о том, что волнует народ, и то, что народ хочет слышать; в этом — суть популизма» [«Политика постправды», 2018: 207]. Такие высказывания говорят больше о характере господствующей парадигмы, чем о феномене, который в ней осмысливается. А именно — тут обнажается изначальное недоверие к «народу», которое заложено как в практиках либеральных демократий, так и в обосновывающих их теориях: «чистая» демократия как «воля народа» опасна; адекватная же «реалиям» политика исходит вовсе не из народной воли, а из чего-то другого, будь то компетентное мнение экспертов или воля просвещенного, имущего и ответственного меньшинства.

Неудивительно, что анализ популизма в его постоянном сравнении с идеальной либеральной демократией в этой парадигме в конечном счете может показать лишь его ущербность. Однако в той же самой парадигме ущербными оказываются и те политические режимы (формально остающиеся либеральными демократиями), которым популисты оппонируют и которые якобы хотят разрушить.

Неслучайно современные либеральные демократии сейчас нередко называют «согласительными политическими системами» [Эндрейн, 2000]. Это означает, что декларируемое официально «народное правление» сменили политические режимы, в которых участники политического процесса в лице разнообразных правительственных учреждений, независимых от государства групп влияния и коалиционных политических партий для достижения целей, отвечающих интересам всего общества, вступают в сделки, образуют объединения, выполняют функцию посредников в конфликтах интересов. Они опираются на общность моральных ценностей, доверие и консенсус, возлагая на себя договорные обязательства. Улаживанию разногласий между различными группами общества способствуют независимые суды, представительные учреждения, общеобразовательные школы и др. Все эти институты содействуют осознанию необходимости сотрудничества для достижения общего блага [Эндрейн, 2000: 70]. Злые же языки гораздо более откровенны — они давно говорят, что в действительности либеральные демократии переродились в «олигархии» [Канфора, 2012]. «Более

того, — замечает по сходному поводу В.С. Мартьянов, — в системе глобальных политических практик конца XX — начала XXI в. либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ, подвергаемых морально-идеологической дискриминации. В них сохраняются тот же глубинный механизм властесобственности с полуанонимным и мягким диктатом крупных собственников; постоянно растущее экономическое неравенство, генерируемое свободными рынками; скрытая классовая и иная сегрегация; стеклянные потолки вертикальной социальной мобильности; клановость и родственное наследование депутатских, судейских, мэрских, губернаторских и даже президентских кресел» [Мартьянов, 2020: 21]. К тому же с точки зрения идеального типа здоровую реальную демократию становится всё тяжелее отличить от демократии «дефектной». И если здоровая демократия постоянно нуждается, по выражению Дж. Александра, в «*гражданском ремонте*» [Александр, 2002], то демократии, уже не могущие считаться здоровыми, требуют *ремонта серьезного*. Их лечат сочетанием уже многократно опробованных и отлично себя зарекомендовавших в «цветных революциях» насильственных и ненасильственных методов. Но, собственно, это мы и видим в последние несколько лет (и даже месяцев): методы политической борьбы, ранее применявшиеся в «цветных революциях», всё чаще используются в политической практике зрелых либеральных демократий [Фишман, 2019а].

Проблема усугубляется еще и тем, что либерально-демократический идеал популистов и защитников либерально-демократических режимов во многом общий. Популисты борются не с идеалом, а с реальными ущербными либеральными демократиями, тогда как идеальная либеральная демократия, если бы она воплотилась, для них бы, вероятно, тоже стала «концом истории». Иными словами, сами популисты, сталкиваясь с современной «либеральной демократией», не выступают против демократии, но наличные либерально-демократические режимы не считают демократическими, справедливо указывая на ряд их пороков. Популисты косвенно признают отсутствие у них принципиальной альтернативы, апеллируя к консенсусной ценности всё той же демократии, провозглашая, что они и есть настоящие демократы [Spruyt et al., 2016: 337]. В то же время субъективно и адепты европейского популизма, и его крити-

ки порождены закатом «золотого века» истинной демократии, под которым подразумевается послевоенное тридцатилетие, когда все значимые социальные группы имели социальные гарантии и эффективное, защищавшее их интересы политическое представительство⁴. Для тех и других либеральная демократия серьезно больна. Но как только болезни будут купированы, возвратится и «золотой» (скорее относительно беспроблемный) век либеральной демократии. Ибо либеральная демократия и капитализм всё еще являются аксиоматическими основаниями всякой нормальности также и для популистов, очень значительная часть которых идеологически относятся к правому спектру.

Однако, несмотря на все усилия как поборников «правильной либеральной демократии», так и популистов, восстановления утраченной демократии не происходит. Скорее можно утверждать, что политика популистов и их противников способствовала разрушению либерально-демократических режимов с двух сторон, причем инициатива в этом предприятии принадлежала вовсе не популистам. Как констатирует, в частности, академик РАН В.Н. Руденко, кризис либерально-демократических режимов сопровождался исключением гражданского общества из публичной политики, отрицанием единых для всех игроков ценностей, нивелированием идеи необходимости сотрудничества и достижения консенсуса, постановкой под сомнение принципа верховенства закона и его единообразного исполнения всеми; сама политическая элита проявила склонность пожертвовать частью прав человека и пойти по пути конструирования государства-надсмотрщика и т.д. В то же время, полагает В.Н. Руденко, если «в

⁴ По крайней мере, европейский популизм возникает практически одновременно с кризисом послевоенной социальной политики, с попытками урезать социальные гарантии широких слоев населения, упадком профсоюзов и т.д. Показательно, что правые (не говоря уже о левых) популисты во многом перенимают риторику защиты послевоенных социальных завоеваний у пришедшего в упадок политического представительства «старых левых». Например, 20 лет назад программа французского «Национального фронта» начиналась с раздела «О работе для французов» (Программа Национального фронта (к выборам в законодательное собрание Франции. 1997. Доступ: http://www.zlev.ru/910_29.htm (дата обращения: 21.10.2020)), и эта социальная ориентированность сохранилась и сегодня (Гальеро Э. «Национальные интересы», безопасность и «прямая демократия» — основы программы Национального фронта // ИноСМИ. 05.03.2017. Доступ: <http://inosmi.ru/social/20170205/238669166.html> (дата обращения: 21.10.2020)). При этом «старые левые» партии, в значительной мере покинутые их избирателями, остаются соперниками популистов.

контексте либеральной демократии права человека есть правила, обеспечивающие защиту каждой отдельной личности от произвола власти, в популистской интерпретации категория “права человека” становится ненужной. <...> Популисты отвергают универсальность прав человека, а вместе с тем и либеральную концепцию общего блага, на достижение которого нацелены согласительные политические системы» [Руденко, 2019: 148–149]. Таким образом, можно заключить, что популисты всего лишь продолжают идти по той же дороге, по которой до них шли неолиберальные элиты. Если первые начали нарушать индивидуальные права человека и фактически отказались от либерально-демократической концепции общественного блага, то вторые лишь подхватили этот тренд. Поэтому тревога по поводу популизма во многом обусловлена тем, что за популистами просто следят более тщательно и замечают все те грехи, которые прощают старым системным политическим силам, великодушно списывая их на неизбежные издержки функционирования демократии. Таково, например, отношение к коррупции при «правильной» демократии, в которую она фактически легально интегрирована на уровне базовых принципов. Как заметил по этому поводу М. Дюверже, «подобно тому, как коррупция в Англии укрепила структуру парламентских групп, в Америке она усилила структуру избирательных комитетов» [Дюверже, 2002: 28]. Однако мы обнаруживаем совершенно иное отношение к коррупции при популистских режимах, когда причиной ее роста видится в первую очередь отступление от либерально-демократических норм [Фишман, 2019b].

В странах Европы рост популизма является одним из следствий упадка экономического и военного значения большей части граждан, размывания среднего класса [Марыганова, 2017]. Это ведет к ослаблению для правящих кругов необходимости поддерживать систему социальных гарантий в прежнем объеме и, как в Античности, к перерождению демократий, которые теряют свою социальную базу в виде традиционных трудящихся и воюющих классов. (В частности, уже первая волна старейшего в Европе итальянского популизма прямо связана с кризисом представительной демократии, деиндустриализацией и упадком полной занятости [Dominijanni, Casarino, 2014: 170]. Поэтому и берлусконовский «народ» — это не пролетарии и фермеры, чье экономическое значение очевидно, а «народ, совпадающий с телеканалом» [Dominijanni, Casarino, 2014:

171], — так же, как народ Беппе Грилло⁵ обретается в интернете [Dominijanni, Casarino, 2014: 174].)

Парадокс популизма заключается в том, что свое деструктивное для согласительных режимов действие он начинает оказывать, именно воспроизводя поведение всякой политической силы, интегрированной в систему либеральной демократии. Популисты оформляются в легальные партии, участвуют в политической борьбе; одерживая победу, вознаграждают своих сторонников и спонсоров и т.д. Словом, они отличаются от «правильных» либеральных демократов нюансами и бенефициарами своей политики. Раздача популистами льгот одним сопровождается политикой ущемления других в пользу «своих», прежде всего — ограничением прав некоторых категорий иностранцев, гомосексуалистов и др. [Albertazzi, Mueller, 2013], преференциями в пользу определенных групп национальной буржуазии или коренных жителей, которые и объявляются настоящим народом⁶, и т.д. В целом же вся эта политика обусловлена ситуацией, когда уже давно нельзя сказать, что «прилив поднимает все лодки». Речь не идет об общем росте возможностей, как в период расцвета европейских демократий; тут хотя бы затормозить упадок и остаться при своем.

В этой связи недостаточно сказать, что популисты обнажают реальные болевые точки современной либеральной демократии, такие как элитарность, недостаточная открытость власти, неспособность избавиться от коррупции и др. Популизм — это давно уже не просто «обнажение», отражение и симптом каких-то процессов, а, если угодно, первые шаги по институционализации и идеологической легитимации результатов этих процессов. На этом фоне дальнейший закат согласительных политических режимов, — по мере которого популисты будут играть роль политического представительства уходящих (нередко не без боя) со сцены социальных групп, некогда бывших полезными, но теперь переставших, — будет далеко не единственным и, возможно, не самым значимым явлением. Это представительство вполне способно в определенные моменты добиваться успехов, но вряд ли сможет пожать плоды своего триумфа, как не смогли этого сделать афинские демагоги или римские популяры.

⁵ Комик, блогер и политик, основатель политического движения «Пять звезд».

⁶ Бенюмов К. Свободные, но нечестные. Доступ: <http://bramaby.com/ls/blog/europe/8995.html> (дата обращения: 22.09.2020).

* * *

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, когда либерально-демократический дискурс о популизме (и не только) применяется к странам, которые некогда были образцами либеральной демократии, а теперь перестают ими считаться, выявляется его ограниченность. Дискурс этот базировался на нормативном идеале, а поскольку тот поставлен под вопрос, герметичный ранее дискурс о популизме приобретает некоторую незавершенность и открытость.

Обнаруживается, что если вне Запада популизм вписывается в парадигму либерально-демократического мейнстрима, поскольку всё еще прилежно выполняет предписанную ему функцию (участвует в конструировании либеральной демократии), то на самом Западе он выступает одним из агентов возникновения некоей новой реальности и уж точно, как заметил немецкий политический аналитик и блогер С. Райнфельдт, «не является переходным феноменом»⁷ в прежнем его понимании. Иными словами, на Западе слово «популизм» скрывает в себе нечто иное по отношению не только к не-Западу, но и к недавнему прошлому Запада. Неслучайно «в современные научные работы прочно вошли в обиход понятия “нового популизма”, “популизма 2.0” или “постпопулизма”, которые характерны именно для настоящего времени» [Подрезов, 2020: 97]. Однако они не могут адекватно заместить классическую парадигму модернизации и либеральной демократии как «конца истории», которая до недавних пор успешно применялась для осмысления феномена популизма. Действительно, трудно считать такой альтернативой, например, концепцию «популизма 2.0», согласно которой его отличительной чертой является то, что коммуникационные процессы происходят главным образом в цифровой среде, и иные подобные ей концепции [Подрезов, 2020: 98].

Сегодня использование термина «популизм» — явление того же порядка, как добавление приставок «нео» и «пост». Последнее указывает на исчерпанность какого-то явления в его прежнем виде при одновременной незрелости сменяющих его феноменов и соответствующей неспособности современников дать им наименование, указывающее на нечто большее, чем на некоторое отличие их от прошлого.

⁷ Райнфельдт С. Уродливый оскал Европы // Sensusnovus. 26.05.2012. Доступ: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/05/26/13602.html> (дата обращения: 20.09.2020)

Заклучая, мы можем отметить следующее. Изначально популизм в политологическом мейнстриме был чем-то вроде младшего брата рядом со старшими — либерализмом и демократией. Он играл роль хоть и дискриминируемого, но всё же родственника, символизируя собой незрелые варианты «правильных», находящихся на магистральной линии исторического развития практик и институтов. Однако по мере кризиса политологического мейнстрима роль эта начала меняться. Сначала популизм приобрел настораживающие черты блудного сына, с которым порой тяжело иметь дело, но который всё еще вписывается в признаваемый единственно верным миропорядок — он выполняет полезную функцию индикатора нарастающих внутри современных обществ патологий (от порчи либеральных демократий до кризиса социального государства и даже капитализма в целом). Современный же подъем популизма свидетельствует о том, что постепенно утрачивается и эта его роль. Из «младшего брата» и «блудного сына» он превратился в опасного незнакомца, которого не следовало бы пускать на порог, но который уже переступил его и уходит не намереваясь. Сама частота употребления термина «популизм» и применение его к самым различным феноменам указывают на то, что это слово стало означать лишь всякое отклонение вообще. Популизм превращается в феномен, о котором определенно можно сказать лишь то, что он является отклонением не только от либеральной демократии, но и от прочих проявлений миропорядка, который с нею ассоциируется. С точки зрения обществоведческого мейнстрима «отклоняющиеся» общества и явления критикуются в рамках дихотомии патологии и нормы. Варьируют лишь ключевые бинарные оппозиции: разум/волютаризм, государство/рынок, демократия/тоталитаризм, варварство/цивилизация, конкуренция/монополия, свобода/рабство, друг/враг, открытое/закрытое общество [Поппер, 1992], естественное государство/открытый доступ [Норт и др., 2011], инклюзивные/экслюзивные институты [Аджемоглу, Робинсон, 2015], современность/архаика, универсальное/локальное и т.д. «Пустое» понятие популизма тут оказывается на своем месте: оно начинает играть роль объединяющей понятийной «крыши» для разного рода беспокоящих феноменов, которые представителям мейнстрима соблазнительно все скопом отнести к критикуемым полюсам указанных бинарных оппозиций. Не в этом ли заключается сегодня его основное значение?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
2. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3–11.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Вайнштейн Г. Популизм в современной Европе: новые тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
5. Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 56–73.
6. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
7. Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб: Александрия, 2012.
8. Куропятник Г.П. Фермерское движение в США от грейнджеров к Народной партии. 1867–1896. М.: Наука, 1971.
9. Мартыанов В.С. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31.
10. Марыганова Е.А. Размывание среднего класса — угроза развитию социального государства // Управление. 2017. Т. 5. № 2. С. 62–68.
11. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Политика. 2009. № 4 (55). С. 40–53. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-40-53.
12. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: ВШЭ, 2018. DOI: 10.17323/978-5-7598-1710-9.
13. Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.
14. Подрезов М.В. История изучения политического популизма и его положение в современной политической науке // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 96–101. DOI: 10.17223/15617793/451/13.
15. «Политика постправды» и популизм: Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире», 22–23 сентября 2017 года / Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.

16. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
17. Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // *Антиномии*. 2019. № 4. С. 138–155. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012.
18. Фишман Л.Г. Бумеранг возвращается? // *Свободная мысль*. 2019. № 1. С. 15–23.
19. Фишман Л.Г. Коррупция ради народа // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием*. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 65–79.
20. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04.
21. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М.: Весь мир, 2000.
22. Albertazzi D., Mueller S. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland // *Government and Opposition*. 2013. Vol. 48. Special Iss. 03. P. 343–371. DOI: 10.1017/gov.2013.12.
23. Buzalka J. Europeanisation and post-peasant populism in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 5. P. 757–771. DOI: 10.1080/09668130802085141.
24. Comaroff J. Populism and late liberalism: A special affinity? // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 637. No. 1. P. 99–111. DOI: 10.1177/0002716211406079.
25. Dominijanni I., Casarino C. The cricket's leap: Post-Oedipal populism and neoliberal democracy in contemporary Italy // *Cultural Critique*. 2014. Vol. 87. No. 1. P. 167–182. DOI: 10.5749/culturalcritique.87.2014.0167.
26. Spruyt B., Keppens G., Droogenbroeck F. van. Who supports populism and what attracts people to it? // *Political Research Quarterly*. 2016. Vol. 69. No. 2. P. 335–346. DOI: 10.1177/1065912916639138.
27. Torre C. In the name of the people: Democratization, popular organizations, and populism in Venezuela, Bolivia, and Ecuador // *European Review of Latin American and Caribbean Studies / Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*. 2013. No. 95. P. 27–48. DOI: 10.18352/erlacs.9229.

REFERENCES

1. Acemoglu D. 2012. *Why nations fail*. Random House [Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. 2015. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ.]
2. Aleksander Dzh. 2002. Prochnye utopii i grazhdanskii remont [Robust utopias and civil repairs]. *Sociological Studies*, no. 10, pp. 3–11. (In Russ.)
3. Bauman Z. 2000. *Liquid modernity*. Cambridge, Polity [Russ. ed.: Bauman Z. 2008. *Tekuchaya sovremennost'*. Saint-Petersburg, Piter Publ.]
4. Vainshtein G.I. 2013. Populizm v sovremennoi Evrope: novye tendentsii [Populism in contemporary Europe: New trends]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33. (In Russ.)
5. Decker F. 2004. Populizm kak vyzov liberal'nym demokratiyam [Populism as a challenge to liberal democracies]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 56–73. (In Russ.)
6. Duverger M. 1967. *Political parties*. London, Methuen [Russ. ed.: Dyuverzhe M. 2002. *Politicheskie partii*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.]
7. Canfora L. 2008. *Democracy in Europe: A history of an ideology*. Malden, Blackwell Publishing [Russ. ed.: Kanfora L. 2012. *Demokratiya. Istoriya odnoi ideologii*. Saint-Petersburg, Aleksandriya Publ.]
8. Kuropyatnik G.P. 1971. *Fermerskoe dvizhenie v SSHA ot greindzherov k Narodnoi partii. 1867–1896* [The farmer's movement in the United States from Grangers to the People's Party. 1867–1896]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
9. Mart'yanov V.S. 2020. Ponyatiinyi krizis zapadnogo meinstrima [The Western mainstream crisis]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31. (In Russ.)
10. Maryganova E.A. 2017. Razmyvanie srednego klassa — ugroza razvitiyu sotsial'nogo gosudarstva [The erosion of the middle class — threat to the development of the welfare state]. *Upravlenie*, no. 2 (16), pp. 62–68. (In Russ.)
11. Musikhin G.I. 2009. Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili 'ushcherbnaya ideologiya'? [Populism: Structural characteristics of politics or 'flawed ideology'?]. *Politiya*, no. 4 (55), pp. 40–53. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-40-53. (In Russ.)
12. Myuller Ya.-V. 2018. *Chto takoe populizm?* [What is populism?]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki Publ. DOI: 10.17323/978-5-7598-1710-9. (In Russ.)
13. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York, Cambridge University Press [Russ. ed.: Nort D., Vaingast B., Uollis D. 2011.

Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva Moscow, Institut Gaidara Publ.].

14. Podrezov M.V. 2020. Istoriya izucheniya politicheskogo populizma i ego polozhenie v sovremennoi politicheskoi nauke [The history of the study of political populism and its current position in political science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 451, pp. 96–101. DOI: 10.17223/15617793/451/13. (In Russ.)

15. Popova O.V. (ed.). 2018. *'Politika postpravdy' i populizm* ['Post-truth politics' and populism]. Saint-Petersburg, Skifiya-print. (In Russ.)

16. Popper K. 1962. *The open society and its enemies*. London, Routledge & Kegan Paul [Russ. ed.: Popper K. 1992. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Moscow, Feniks Publ., Kul'turnaya initsiativa Publ.].

17. Rudenko V.N. 2019. Populistskii kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem [Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems]. *Antinomii*, no. 4, pp. 138–155. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012. (In Russ.)

18. Fishman L.G. 2019a. Bumerang vozvrashchaetsya? [Boomerang comes around] *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 15–23. (In Russ.)

19. Fishman L.G. 2019b. Korruptsiya radi naroda [Corruption for the sake of people]. In: *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii: Sbornik trudov po itogam III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation. Collection of research papers of the III All-Russian Scientific Conference with international participation (26–27 October 2018, Ekaterinburg)]. Ekaterinburg, pp. 65–79. (In Russ.)

20. Fishman L.G. 2017. Populizm — ehto nadolgo [Populism will be long lasting]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04. (In Russ.)

21. Andrain C.F. 1994. *Comparative political systems: Policy performance and social change*. New York, M.E. Sharpe [Russ. ed.: Ehndrein CH.F. 2000. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem. Ehffektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya. Moscow, Ves' mir Publ.].

22. Albertazzi D., Mueller S. 2013. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland. *Government and Opposition*, vol. 48, iss. 03, pp. 343–371. DOI:10.1017/gov.2013.12.

23. Buzalka J. 2008. Europeanisation and post-peasant populism in Eastern Europe. *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 5, pp. 757–771. DOI: 10.1080/09668130802085141.

24. Comaroff J. 2011. Populism and late liberalism: A special affinity? *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 637, no. 1, pp. 99–111. DOI: 10.1177/0002716211406079.

25. Dominijanni I., Casarino C. 2014. The cricket's leap: Post-Oedipal populism and neoliberal democracy in contemporary Italy. *Cultural Critique*, vol. 87, no. 1, pp. 167–182. DOI: 10.5749/culturalcritique.87.2014.0167.

26. Spruyt B., Keppens G., Droogenbroeck F. van. 2016. Who supports populism and what attracts people to it? *Political Research Quarterly*, vol. 69, no. 2, pp. 335–346. DOI: 10.1177/1065912916639138.

27. Torre C. 2013. In the name of the people: Democratization, popular organizations, and populism in Venezuela, Bolivia, and Ecuador. *European Review of Latin American and Caribbean Studies / Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, no. 95, pp. 27–48. DOI:10.18352/erlacs.9229.